

**Наталья
Александрова**

Криминальная
мелодрама

Наталья
Александрова

возвращение
СНЕЖНОЙ
королевы

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление — *Наталья Каштыкина*

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Александрова, Наталья.

А46 Возвращение снежной королевы : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : АСТ, 2015. — 320 с.

ISBN 978-5-17-082449-6

Лера, девушка из провинции, приехала в большой город за счастьем — а оказалась в самой гуще разборок между наркоторговцами и коррумпированными ментами. Да к тому же ей известна тайна, за которую не одному человеку пришлось заплатить жизнью. Чтобы выпутаться из этого змеиного клубка, ей придется пройти горными тропами наркоторговцев, столкнуться с сектой убийц-ассасинов и узнать тайну своего происхождения...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-082449-6

© Н. Александрова
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Из-за поворота тропы показался пологий склон с раскинувшимся по нему горным селением.

Точнее, с тем, что совсем недавно было горным селением, селением, где паслись тощие козы и облезлые овцы, играли смуглые черноглазые дети, занимались домашними делами до самых глаз закутанные в черное женщины.

Теперь только столбы горького сизого дыма поднимались к близкому небу от развалин, в которые превратились неказистые хижины. На выжженной, черной от золы земле там и тут валялись бесформенные окровавленные груды тряпья, в которых невозможно было узнать человеческие существа.

Возле самой тропы валялась немудреная самодельная игрушка — вырезанная из дерева лошадка, похожая на мохнатых неприхотливых лошадей, привыкших делить с хозяевами тяготы жизни в этих скудных горах...

И всюду — столбы сизого дыма, поднимающиеся к выжженному блекло-голубому небу, и какой-то назойливый стук, от которого никуда не скрыться, никуда не спрятаться...

От которого Лера наконец проснулась.

Она села на узкой дорожной полке, тряхнула головой, словно стряхивая с себя остатки тяжелого навязчивого сна.

В купе, кроме нее, был только толстый немолодой казах, накануне долго и со вкусом объяснявший красивой попутчице, как много у него баранов и коней, какая у него огромная юрта, какой он богатый и влиятельный человек у себя в степи. Сейчас он спал, широко открыв рот, и время от времени громко всхрапывал, не обращая внимания на стук в дверь купе.

— Владимир! — раздался за дверью заспанный голос проводника.

— Спасибо! — откликнулась Лера и спустила ноги на пол.

За окном уже появились знакомые силуэты куполов, золотые среди осеннего золота листвы.

Лера вышла на перрон и огляделась.

Все было как месяц назад, когда она приехала сюда из Питера. Только она очень изменилась за прошедший месяц... месяц? Да и того-то не прошло, а она стала совсем другим человеком! Тогда она мечтала только о том, чтобы спрятаться, затаиться, пересидеть опасность в самом глухом углу, чувствовала себя загнанной дичью, по следам которой спешат охотники...

Сколько всего произошло за это время! Митька, цыгане-лавари, кровавая разборка в лесу на линии

Маннергейма... сколько крови пролито! Сколько людей погибло! Она выжила, выстояла, но стала другим, совсем другим человеком — холодным, расчетливым, мстительным. Настоящей Снежной королевой. Не зря говорят — все, что нас не убивает, делает нас сильнее.

По перрону торопливо проходили пассажиры. Ближе к концу платформы со скучающим видом стояли два мента — один показался Лере знакомым. Она даже замедлила шаг, опустила голову, чтобы не встретиться с ним взглядом. Впрочем, при ее заметной внешности это было совершенно бесполезно. Рост — метр восемьдесят, длинные белые волосы, глаза цвета голубого льда...

Менты внимательно поглядывали на пассажиров, настороженно переговаривались. Когда Лера поравнялась с ними, тот, что показался ей знакомым, шагнул навстречу, засиял, как медный самовар, и пропел, растягивая звуки:

— О-о! Ко-ого я вижу! Никак Но-ора!

Лера не выносила, когда ее называли таким именем. Тем более незнакомые, или почти незнакомые люди. Но сейчас нужно было соблюдать осторожность, избегать прямого конфликта, и она приветливо улыбнулась в ответ:

— Здорово, лейтенант! Как дела? Как служба? — и сделала попытку пройти мимо стражей порядка. Однако второй милиционер обошел ее, встал на пути, нацепив на лицо дурацкую ухмылку, и про-

говорил негромко, чтобы не слышали посторонние:

— Зайдем к нам на пост, разговор есть!

— Какой еще разговор? — Лера все еще пыталась пройти, но менты подхватили ее с двух сторон и повели вправо от перрона.

— Мальчики, вы чего? — прошипела Лера, стреляя глазами по сторонам. — Вы спросите у Павла Васильича, у майора Комова, мы с ним друзья...

— Да мы же разве не знаем? — разливался тот, чье лицо показалось Лере знакомым. — Мы очень даже хорошо знаем! Нам как раз Павел Васильич и велел тебя встретить, честь по чести, чтобы никаких у тебя проблем не было... ты у нас минутку посиди, кофейку выпей, или другого чего, а он тут как раз и подьедет... Только он теперь не майор вовсе, а подполковник — радость у нас, повышение по службе...

— Никаких проблем? — выхватила Лера из его речи важное слово. — Каких еще проблем? У меня никаких проблем и нету!

— Ну и отлично! Посидишь у нас полчаса, поговоришь с Павлом Васильичем, и все будет тип-топ! Может, он хочет, чтобы ты его лично с повышением поздравила...

Они ввели ее в тесную комнатенку милицейского поста. Заплеванный пол, пара столов в зеленой облупленной краске, несколько стульев. В дальнем от двери конце комнаты — решетка «обезьянника». За столом сидел, тупо уставившись в газету, капитан

с помятым обиженным лицом. При виде вошедших он поднял глаза и заулыбался:

— О! Какие гости! Коновалов, стульчик протри, а то у нас, сам знаешь...

Знакомый лейтенант кинулся носовым платком вытирать один из стульев, подставил его Лере. Лера опустила на стул, вопросительно взглянула на капитана:

— Ну, и что весь этот цирк должен значить?

— Павел Васильевич лично просил встретить и позаботиться! — проговорил капитан, уважительно подняв палец. — А он такой человек... такой человек...

Кого-кого, а Павла Васильевича, майора, теперь подполковника Комова, Лера знала как облупленного. Толстый, приземистый милиционер с широким нездоровым лицом, похожим на коровье вымя, помог Ласло Клоуну разделаться с азербайджанской группировкой и подобрать под себя наркоторговлю во Владимире. Но от Комова можно было ждать любого предательства, любой пакости.

— Коновалов, угости гостью! — не унимался капитан. — Что ты как неродной? Она ведь с дороги!

На столе перед Лерой появилась бутылка коньяка, тарелка с нарезанным сыром, лаваш, зелень.

— Угощайся, красавица! — Капитан скovyрнул с бутылки крышечку, плеснул в стакан. — Не сомневайся, все свежее, торгаша с рынка спозаранку принесли!

— Спасибо, по утрам не пью! — Лера взяла кусок сыра, травы. — Так что там Комов?

— Щас!

Капитан ловко выхватил из кобуры мобильник, откинул крышечку, подобострастным голосом сообщил:

— Она у нас! Слушаюсь! Так точно!

Убрал телефон и проговорил с придыханием:

— Через пять минут будут!

— Эй, мусора, совесть имейте, дайте похмелиться! — раздался из-за решетки «обезьянника» тоскливый сиплый голос. То, что Лера приняла за грудку тряпок, зашевелилось, поднялось на ноги и оказалось грязным небритым стариком.

— Уймись, Короедов! — лениво отозвался капитан. — Имей в виду, будешь выступать — отметелим! Одно только тебя спасает — обувь пачкать неохота!

— Налили бы пять грамм! — не сдавался старик. — Вы что, изверги, что ли?

— С каким контингентом приходится возиться! — Капитан с тяжелым вздохом повернулся к Лере. — А что же вы не угощаетесь? Может быть, кофейку?

— Кофейку — это можно. — Лера с напускной беззаботностью откинулась на спинку стула, настороженно оглядывая помещение пикета. Все происходящее ей определенно не нравилось, особенно наигранная угодливость и гостеприимство ментов.

— Коновалов, слышал? Сделай девушке кофе! Хорошую банку возьми, которая для начальства!

Лейтенант засуетился, поставил чайник, достал из ящика стола банку растворимого кофе.

В это время дверь пикета распахнулась, невысокий кривоногий милиционер втолкнул в комнату толстую пожилую цыганку в пестрой оборчатой юбке, обметающей грязный пол, и бренчащих монистах на необъятной груди.

— В чем дело, Диденко? — поморщился капитан. — Говорил же я тебе — не таскай сюда цыган! Ты же знаешь — от них одна антисанитария, да и договорились мы с ихним главным...

— А чего она оскорбляет при исполнении? — проныл милиционер. — И дряни всякой нагадала... что жена от меня к какому-то блондинчику бегаёт... пускай посидит часок в «обезьяннике», подумает насчет своего гадания...

— Ну пускай... — согласился покладистый капитан. — Только ты бы лучше насчет жены побеспокоился!

— Какой жены! — возмутился Диденко. — Николай Алексеевич, неженатый я! А эта нагадала... значит, врет все! Мошенничество одно, а не гадание!

— Это ты по паспорту неженатый, — гулким басом вклинулась в разговор цыганка. — А с Нинкой своей третий год живешь! Это всему городу доподлинно известно!

— А это до тебя касается? Касается? — Диденко ткнул цыганку в бок и поволок к «обезьяннику». Проходя мимо Леры, гадалка как бы нечаянно задела ее,

быстро коснулась руки. Лера почувствовала, как в ладонь к ней переместилась скомканная бумажка.

У капитана в кобуре заиграла бессмертная «Мурка». Он вытащил мобильник, поднес к уху, тут же вскочил, отошел в дальний угол и вполголоса заговорил.

Лера покосилась на Коновалова, развернула бумажку и прочитала криво нацарапанные буквы: «Сыгыдыр».

Она знала это слово, за недолгое время, что общалась с цыганами, запомнила — это значило опасность, шухер. Сыгыдыр — говорили вполголоса цыгане, если мирное застолье грозило перерасти в кровавую поножовщину или если приближалась машина с ментами, назревала облава...

— Капитан, — кокетливым тоном проговорила Лера, поправляя волосы. — А где у вас тут приличная девушка может попудрить носик?

— У нас тут «пудрой» лучше не баловаться, — усмехнулся капитан. — А если туалет — так он вон там, налево по коридору! Коновалов, проводи девушку!

— Да уж как-нибудь обойдусь без провожатых! — Лера развязно ухмыльнулась, встала и, покачивая бедрами, двинулась в указанном направлении.

Туалет в пикете оказался именно такой, какой Лера ожидала увидеть, примерно такой же, как лет тридцать назад, — облезлая масляная краска стен, матерные надписи от пола до потолка, проиллюстрированные соответствующими рисунками, покры-

тая паутиной трещин плитка на полу, эмалированная раковина в сколах и потеках ржавчины, две кабинки с болтающимися дверцами. Лера захлопнула за собой входную дверь и закусила губу: изнутри эта дверь не запиралась даже на самую примитивную задвижку. Она повернула допотопный медный кран, зачерпнула ржавой воды и ополоснула лицо. Ей нужна была свежая голова, чтобы найти выход из этого положения.

Менты держатся с ней уважительно, как с важной персоной, но не отпускают, ждут своего главного. А Комов — человек скользкий, от него можно ждать чего угодно... да тут еще цыганка с ее предупреждением... нет, по-любому надо отсюда уходить!

Только вот как?

В дальнем конце помещения имелось небольшое окошко, замазанное белой краской, но через протертые в этой краске лунки была видна железная решетка. Здесь не выберешься...

Думать, думать, и думать быстро — скоро менты ее хватятся, и дисциплинированный лейтенант Коновалов отправится на поиски!

Из коридора донеслись крики, шум скандала.

— Говорят тебе — мне надо! — расслышала Лера гулкий бас старой цыганки. — Я старый человек, долго терпеть не могу! Или ты хочешь, чтобы я это прямо здесь делала?

— Да пошла ты! — вяло отлаивался кто-то из ментов.

Шум прокатился по коридору, дверь распахнулась, в туалет вкатилась цыганка, пестрые юбки раздувались, как паруса корабля, мониста гневно брнчали. Вслед за цыганкой попытался сунуться бдительный лейтенант Коновалов, но тетка сунула ему под нос огромный кулак и покрывла таким многоэтажным матом, что молодой милиционер вылетел в коридор как ошпаренный.

Цыганка повернулась к Лере, сверкнула темными и выпуклыми, как маслины, глазами и выпалила:

— Эй, молодая-красивая, быстро давай!

— Чего — быстро, бабушка?

— Какая я тебе бабушка? — Цыганка явно обиделась. — Мне всего-то тридцать девять! Меня Мама Шоша называют! Быстро переодевайся!

Она задрала свою пеструю юбку, под ней оказалась еще одна, примерно такая же. Стащив ее, цыганка протянула Лере.

— Надевай, надевай, беленькая! Чего стоишь, чего глаза тарачишь? У нас времени нету!

С этими словами она стянула со своего необъятного торса черную кофту в пунцовых розах, под которой оказалась зеленая майка, расшитая блестками и стразами. Эту майку цыганка стащила через голову и кинула Лере:

— Ну, краля, не тормози! От себя отрываю! Знаешь, сколько я за эту кофточку заплатила?

— Мне же это будет велико... — протянула Лера, вертя в руках цыганские обновки.

— Ой, да я же на тебя не могу! — Цыганка закатила глаза к потолку. — Велико ей будет! Нашла чем гордиться! Хорошего человека должно быть много, а хорошей женщины — особенно... Из большого не выпадешь! Кушачком прихвати!

— А зачем это... — попыталась спросить Лера, послушно влезая в просторную юбку и натягивая сверкающую футболку. — Все равно отсюда не выйти...

— Ты делай, что тебе Мама Шоша велит! Некогда разговоры разговаривать! — оборвала ее цыганка. — Вот тебе платок, волосы свои белые спрячь, а то тебя за версту видать!

Лера перестала сопротивляться: энергии у цыганки хватало не только на них двоих, а на целый табор. Прихватив пышную юбку матерчатым пояском, она обмотала голову пестрой цыганской шалью, завязала узлом на груди.

— Ну вот, теперь ты — настоящая рома! — удовлетворенно проговорила цыганка, окинув ее материнским взглядом. — Следи за дверью, как бы мент не притащился!

Мама Шоша подлетела к окну, поддела корявым пальцем шпингалет, распахнула разохшиеся створки.

— Там решетка! — проговорила в спину ей Лера.

Но цыганка, похоже, знала здесь все как свои пять пальцев — видно, привокзальный пикет милиции был для нее как родной дом. Что-то прошептав, она схватилась за решетку и без видимого усилия вынула ее из пазов.